

Иван Яцук

Петр Алексеевич и Алексей Петрович

исторический роман в двух книгах

Книга первая

18+

**Иван Макарович Яцук
Петр Алексеевич и Алексей
Петрович. Исторический
роман. Книга первая**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48770474
SelfPub; 2019*

Аннотация

Роман посвящен сложным отношениям Петра Первого со своим сыном Алексеем Петровичем. Они – антиподы. Для Петра Алексеевича государство – превыше всего. Он считает, что все можно решить силой и жестокостью. Для Алексея Петровича главное – был бы доволен «черный люд». При всей своей устремленности на Запад, Петр остается восточным деспотом. Эта мысль лежит в основе всего романа. Несмотря на то, что героев книги отделяют от нас 300 лет, роман очень актуален, имеет массу аналогий с настоящей политической ситуацией в России. В нем анализируются корни тех проблем, что сейчас встают перед ней.

Содержание

Аннотация	4
Книга первая	5
Глава первая. Прощайте, родные осины!	11
Глава вторая. Перед выездом	20
Глава третья. Встреча с Кикиным	35
Глава четвертая. Встреча с царевной.	54
Глава пятая. На подъезде к Вене.	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Аннотация

Роман посвящен сложным отношениям Петра Первого со своим сыном Алексеем Петровичем. Они – антиподы.

Для Петра Алексеевича государство – превыше всего. Он считает, что все можно решить силой и жестокостью. Для Алексея Петровича главное – был бы доволен «черный люд».

При всей своей устремленности на Запад, Петр остается восточным деспотом. Эта мысль лежит в основе всего романа. Несмотря на то, что героев книги отделяют от нас 300 лет, роман очень актуален, имеет массу аналогий с настоящей политической ситуацией в России. В нем анализируются корни тех проблем, что сейчас встают перед ней..

Роман написан в увлекательной художественной форме. В нем присутствует драматическая любовь, детективная интрига, погони, розыски, допросы с пристрастием, элементы политической сатиры, даже юмора в той мере, в какой юмор мог присутствовать в мрачной атмосфере той эпохи.

Иван Яцук

Книга первая

Выбор

Предисловие

Роман писался в течение пяти долгих лет. Писался напряженно, трудно, с множеством переделок и дополнений. Обязательным условием было не допускать совпадений с известным романом Алексея Толстого, заимствований из него; тем более, что часто мы, видимо, пользовались одними и теми же историческими источниками и материалами. И главное, не подпевать многолюдному хору восхвалений в адрес Петра Первого. Наоборот, главная идея написания произведения и состояла в том, чтобы показать настоящее, действительное лицо этой исторической личности, показать, что существовал и другой путь развития Руси-России. Роман – произведение полемическое. У автора могут быть как сторонники, так и противники. Все это в рамках вечного спора славянофилов и «западников», «державников» и демократов.

Династический род Романовых на протяжении 300 лет пытался всячески обелить и возвеличить деяния одного из самых ярких своих представителей. Немалую роль в этом сыграло и творчество придворного историка и биографа Романовых – Александра Сергеевича Пушкина, превратившегося из пламенного республиканца и друга декабристов в

услужливого царедворца. Все эти «На берегу пустынных вод стоял он дум великих полн...», «В Европу прорубил окно» и прочие панегирики стали широко известны всей России и немало поспособствовали созданию имперского мышления у российской элиты. Незря Николай Первый сполна оплатил все колоссальные посмертные долги поэта. Он это заслужил у Романовых.

Так исторически получилось, что намерения самодержцев России совпали с желанием Сталина и других большевистских руководителей возвысить роль вождей в истории России. Фигура Петра Первого как нельзя лучше подходила для этой цели. Тем более, что методы «улучшения» жизни народа совпадали. Тонко улавливающий политическое направление Алексей Толстой и написал роман «Петр Первый», главной задачей которого стало оправдание тех мер насилия, которые применял царь и подхватил Сталин.

Случился исторический парадокс, которых немало в истории человечества: спустя всего лишь двадцать лет после триумфального свержения самодержавия; после того, как слово «царь» стало почти ругательством и поводом для ареста, роман Толстого стал одним из самых читаемых произведений в Советском Союзе, его издавали миллионными тиражами все издательства во всех республиках, автор был удостоен Сталинской премии, а Петр Первый стал национальным героем и чуть ли не пламенным революционером. Вот что значит писать о нужном человеке и в нужное время!

Конечно, выдающуюся роль в поднятии на пьедестал Петра сыграл огромный писательский талант Толстого. Но давайте зададим себе вопрос: а сколько же вреда нанес общественному климату СССР этот роман, пропагандирующий и оправдывающий жестокость и насилие? Трудно подсчитать. Это и «воронки», и ночные аресты, и приговоры «без права переписки», и концлагеря по всей стране, и «психушки» и так далее.

И самое главное состоит в том, что Петр выдвинул национальную идею, которая продолжает жить и поныне: «Государство превыше всего; то, что нам надо, возьмем не умением, не упорным, каждодневным трудом, а силой и жестокостью». Эта идея не только не прорубила окно в Европу, но отделила Россию на такое расстояние от Европы, которое не удастся сократить и по настоящее время.

Ловкие историки и журналисты из окружения Наполеона, пытаясь оправдать вторжение в Россию, сочинили так называемое «политическое завещание Петра Первого». Оно насквозь фальшивое, но его создатели верно уловили главные направления международной политики Петра, и поэтому этот пасквиль до сих пор фигурирует в трудах западных историков в качестве мотивации Российской империи, Советского Союза и сегодняшней России.

Но весь фокус состоит в том, что многие действия российского государства находятся в русле пресловутого завещания и национальной идеи, выдвинутой царем Петром. Европа в

силу таких вот «документов» и действий и поныне нам не доверяет.

Но существовал и другой путь развития. Советский ученый Гумилев выдвинул теорию о скачкообразном развитии народов. Эта теория говорит о том, что существуют периоды активности народа, которые затем сменяются периодами затишья, пассивности. И этому есть наглядные подтверждения. Возьмем Японию. Вплоть до середины 19-того столетия она была территорией «terra incognita». А потом начался период пассионарной активности. Сегодняшняя Япония – это передний край науки и самых передовых технологий. То же самое касается Китая, Индии и других стран.

Возможно, и Русь ожидал период бурного развития. А пока она после Смутного времени зализывала тяжелые раны, отдыхала, накапливала духовные силы для квантового скачка.

Но вот является молодой повеса, мажор, объявленный царем, и начинает все рушить до основания, а затем строить новый мир. Весь многовековой уклад жизни признается отсталым, ненужным, нецелесообразным. Заменяется все: жилье, пища, одежда, инструменты, посуда, навыки, традиции, язык, летоисчисление, служба в церкви и так далее. И все это на плечи одного поколения. Естественно, возникает ропот, недовольство, вплоть до восстаний. Но они пресекаются с такой жестокостью, какую можно представить только в мозгу больного шизофренией. Царь поднял Россию не на дыбы,

как писал поэт, а на дыбу – пыточное орудие.

Но сопротивление нарастает. Народ напряженно ищет лидера, вожжа, который поведет его на борьбу с Антихристом, как прозвали Петра. Предводителя недовольных видят в лице царевича Алексея Петровича. К сожалению, видят напрасно. Алексей Петрович – сын своего класса, он далек от народа.

Он далек от отца, обуюнного маниакальной жадой власти. Он воспитан книжником, ученым, а его ставят в строй, заставляют бегать в атаки, штурмовать крепости, делать чертежи оборонительных сооружений. Он тоже сопротивляется, как может. Он хочет жить частным лицом, создать большую семью со своей любимой Ефросиньюшкой, служить науке; он изучил труды европейских гуманистов, он хочет, «чтобы был доволен черный люд», а его выставляют дураком, недотепой, слабаком. Он тоже мог со временем созреть в государственного деятеля, а ему не дают, видя в нем противника отца, противника его реформ.

Тогда Алексей Петрович бежит, он не хочет видеть эту жестокость, насилие над собственным народом, над собой, как личностью.

Эта борьба личности против Молоха государства и составляет суть романа. Роман посвящен не биографии царя и его сына, а их противостоянию в борьбе за свои идеалы. Оба станут жертвой чудища под названием Государство. Но если Петр верно служил этому монстру и сам создавал его,

то Алексей Петрович пытался сопротивляться. В романе во всей своей неприглядной мощи встает образ тирана, попирающего все права человека; показана история формирования личности главных героев. Государство и личность, политика и мораль, государство и церковь, народ и государство, Европа и Россия – вот главные философские проблемы, которые ставятся в романе.

Конечно, все это решается в художественной форме. Детективная, авантюрная интрига, любовные истории героев, напряженный, увлекательный сюжет, малоизвестные исторические факты – все это работает на занимательность романа, подогревает читательский интерес. Думаю, те, кто начнет читать роман, не оставят его до конца.

Сентябрь 2019 года Яцук Иван

Глава первая. Прощайте, родные осины!

Ветер с востока довлеет над ветром с запада.

Конфуций.

Издалека послышался веселый, залиvistый перезвон валдайского колокольчика, а затем мощный, ровный топот. На сигнальный призыв сперва неторопливо вышел высокий солдат-караульный. Заметив почтовую карету, и другую, запряженную шестеркой могучих лошадей, он обернулся и крикнул в пограничную избу. Оттуда вскоре выскочил офицер в зеленом мундире и наспех надвинутой треуголке, с разгоряченным красным лицом: видимо, внутри караулки азартно играли в карты или бражничали.

– Стой! Кто едет? – с привычной грозой крикнул офицер. – Документы!

– Его высочество государь-наследник Алексей Петрович с почтой! – зычно и весоמו крикнули с облучка.

Офицер подошел ко второй карете, недоверчиво заглянул в окошко. Мелькнул внушающий трепет знакомый профиль. Офицер тут же отпрянул и оторопело вытянулся во фронт, затем истоиво махнул рукой караульному. Тот поднял длинную, выкрашенную в черно-белые полосы доску, и кареты, покачиваясь боками на упругих рессорах, пересекли завет-

ный рубеж. Россия осталась позади. То случилось 26 сентября 1716 года по старому стилю.

Кареты неспешно прокатили несколько верст и остановились у высокого, раскидистого дуба, возле которого в тени, никому не мешая, стояли два еще более вместительных, чем почтовые кареты, молчаливых дормеза. Трое мужчин быстро и ловко перенесли в них вещи из приехавших экипажей, пассажиры и слуги тоже пересели.

— Иван, теперь гони что есть духу, — озорно крикнул царевич, высунувшись навстречу освежающему ветру.

Парень высоко поднялся со своего места, присвистнул, по-разбойничьи гикнул, широко размахнулся кнутом: «Э-э-х!» — и ошпарил коренника тяжелым ударом, давая знать, что надобно нестись, не жалеючи себя. Лошади поняли и рванули во всю мощь.

Царская почта продолжала не спеша трусить по наезженной дороге, а таинственные дормезы вскоре исчезли из виду. Они неслись с бешеной скоростью, останавливаясь только темной ночью в укромных местах, да и то всего лишь на несколько часов, чтобы пассажиры и лошади могли хоть немного отдохнуть, поесть и поспать. Проносились мимо города и городки, деревни, поля, рощи, озера и реки, а дормезы продолжали уходить все дальше и дальше, ускользя от возможной смертельной погони.

В карете, действительно, находился Алексей Петрович — опальный наследник русского престола, сын Петра и первой

его жены Евдокии, которую царь навечно заточил в далекий, глухой монастырь. Царевичу шел уже двадцать седьмой год. Ростом он был чуть ниже батюшки, но шире его в кости, стройнее, изящнее. Ему бы поболее дородности, и царевич выглядел бы дюжим русским богатырем. Но он пока был худощав, дородность и кряжистость в нем только намечались.

Алексей шумно, облегченно вздохнул, когда карета пересекла заветный рубеж, и в благостном изнеможении откинулся на спинку дорожного дивана. Кажется все: изнурительные, мучительные колебания и сомнения, наконец, оставили его – он едет!

Кто хоть раз стоял перед тягостным, душераздирающим выбором: ехать или не ехать, отступить или наступать, защищаться или нападать, прощать или проклинать; кто не спал бессонными ночами, когда стрелка выбора мечется у нулевой отметки, не решаясь отклониться ни в одну, ни в другую сторону, когда шансы каждого из двух решений почти одинаковы, когда на один резон возникают тут же два противоположных, столь же убедительных, как и первый; когда голова пухнет и горит от невозможности принять хоть какой-то решительный шаг, тем более, когда дело не терпит промедления – на кону вся последующая жизнь – тот поймет все блаженство облегчения, когда такой шаг все же сделан, когда, наконец, сказано: поехали! – и нет пути назад.

Вместе с царевичем ехали его невеста Ефросинья и четверо слуг: Иван Федоров, который приходился родным братом

спутнице царевича, Яков Носов, да два Петра – Судаков и Меер. Все люди надежные, проверенные, мастера на все руки, с такими не пропадешь. Яков служил еще при Шарлотте – умершей жене царевича – и сносно шпребал по-немецки.

После временного облегчения, связанного с переездом границы, пришла непомерная усталость и опустошение. Царевич упал на сиденье в тупом изнеможении. Не было никаких сил ни двигаться, ни думать, ни радоваться, хотя радость сидела в нем и терпеливо ждала своей очереди. Так продолжалось до самого Данцига.

В Данциге Алексея Петровича должны были ждать посланные от царя-батюшки офицеры, и еще можно было все повернуть в сторону родшего мя (так Алексей за глаза называл отца), но тогда куда подеть милую его сердцу Ефросиньюшку? Ехать с ней к бабушке – означало, и ее обречь царскому гневу и опасностям. Вот оно, округлое, нежное плечо его спутницы, что доверчиво прижимается к нему, находя в нем надежную опору.

Ефросинья в последние дни, когда он объявил ей о своем решении, дрожмя дрожала и все умоляла: «Алексей Петрович, – зачем нам ехать? Пусть будет все по-прежнему. Я дворовая девка, с меня спросу мало, я к тяготам всяким привычная. А вам зачем такую обузу терпеть? Я и дальше согласна служить, как и прежде, только бы вам не было никакой обиды из-за меня. Вам надобно жениться согласно вашему званию, а мне что? – избенку бы поставить – да и то ладно».

Что ты, что ты, Фрося?— тревожился царевич.— Мне уж без тебя весь белый свет не мил. Я уж и не представляю, как буду жить, чтоб тебя не было со мной. Ты так больше не говори, не пугай меня.

Как ему хотелось оправдать ее доверие, надежно защитить свою робкую и в то же время смелую подругу жизни! Как она не желала ехать, как убеждала его остаться! Но многого Фрося не знала, не понимала, и потому он был ласков, но непреклонен — надобно уезжать.

И она поняла его, согласилась, хотя чувствовала, что отдается на волю неведомых ей волн, зыбких и ненадежных. Но что делать? — она связала жизнь с этим человеком и покорно за ним последовала, верная ему и в богатстве, и в нищете, в радости и горе. Она лишь попросила взять с собой брата, чтоб не так было одиноко на чужой сторонке.

А царевич скорбно думал: как тут будешь надежным заступником, ежели злейший твой враг — собственный царь-батюшка?

Алексей, покачиваясь в полудреме, вспоминал последнее письмо батюшки: «Зоон, — так по-голландскому отец величал собственного сына,— Коли я прощался с тобой и спрашивал тебя о резолюции твоей на известное дело, ты всегда говорил, что к наследству неспособен по слабости своей и что в монастырь удобнее желаешь. Однако, я тогда говорил тебе, чтобы ты еще подумал о том гораздо и чтоб писал мне,

какую возьмешь резолюцию. Я ждал семь месяцев, но по сии поры ничего о том не пишешь.

Понеже время довольное имел, то по получении сего письма немедля резолюцию возьми – или первое, или другое. И буде первое возьмешь, то более недели не мешкай, приезжай сюды, ибо еще можешь к военным действиям поспеть. Буде же другое возьмешь, то отпиши, куды и в которое время и день отправишься в монастырь, дабы я покой имел в своей совести, чего от тебя ожидать могу. А сего доносителя пришли с окончанием: буде по первому, то когда выедешь из Петербурху; буде же другое, то когда совершишь. О чем твердо подтверждаем, чтобы сие конечно учинено было, ибо я вижу, что токмо время проводишь в обыкновенном своем неплодии. Петр».

И ни одного теплого словечка. Разве то письмо к сыну? Скорее сие письмо к провинившемуся пехотному капитану. Не более.

Курьер Сафонов привез письмо из Копенгагена в Алексею вотчину Рождествено, где царевич в то время обретался. Он тут же наспех в присутствии курьера написал отцу, что едет к нему тотчас. Но продолжал медлить. Вот здесь и начались его сомнения: ехать – не ехать.

Выбор, который давал ему родший мя, был только видимостью. На самом деле выбора не было. Подстричься в монахи? Но еще Иван Грозный говаривал, что монашеский клобук не гвоздями приколочен к голове, его можно и снять.

Прекрасно понимает сие и родший мя совокупно со светлейшим князем Меншиковым и Катериной.

Светлейший со слов князя Долгорукого по пьянке говорил царю, что, живучи монахом, можно прожить долго, а значит, пережить и его, Петра. Посему надобно принять меры. А какие меры, известно. Такие, которые они приняли к царевне Софье, после которых здоровая, сильная, цветущая женщина умерла в одночасье, не прожив и сорока семи лет. Таков первый выбор.

Второй заключался в том, чтобы ехать к отцу и делать то, что Алексею абсолютно несподручно, то бишь плавать на кораблях, страдая морской болезнью, бегать на маневрах как-ким-нибудь сержантом (на более он, по мнению царя, не способен), участвовать в ежедневных попойках-екзекуциях, заниматься муштрой на плацу. И таким волокитством, тяготами воинскими уходить его до смерти, понеже – де труда тяжкого он долго вынести не сможет.

Расчет был, в общем-то, правильным: к воинской трубе царевич был положительно глух. В армейской службе оказались бы вовсе не нужны все приобретенные им знания, глубоко изученные языки, мудрость прочитанных книг, воспитанный на всем изящном вкус, светские манеры. Зато требовались качества совершенно противоположные, которых Алексей был напрочь лишен: жестокость, грубость, умение беспрекословно подчиняться высшим и беспощадно гнобить низших. Все то было чуждо его натуре. Плюс рвение началь-

ников, знающих, что царь желает унижения собственного сына.

Александр Кикин, друг его задушевный, узнал от Якова Долгорукова, что есть еще один план умерщвления законного наследника: посадить его на военный корабль, дать капитану команду вступить в бой со шведским кораблем, что будет поблизости, и во время боя царевич должен стать безопасно мертвым. Почетная и нужная смерть.

Но у Алексея был и собственный выбор, о котором не мог знать родший мя – побег. Но как решиться на такое!? Законному наследнику престола! Бежать из собственной страны! Куда? Зачем? От какой-никакой, но все-таки размеренной, сытой жизни в неизвестность, в пропасть, в пучину! А вдруг его арестуют? Выдадут как изменника разъяренному отцу? А ежели начнут требовать предательских действий против России? Или заточат в тюрьму? Или потребуют выкуп или унижительного обмена на какого-нибудь проворовавшегося купчишку? Или ограбят где-нибудь по дороге и пустят по миру, отберут Ефросинью?

Кто она ему по закону? Холопка – не более. Вопросы, вопросы, вопросы. Сомнения, колебания – сколько их было! Да и сейчас не все сгнули. Раньше он считал монашество выходом из всех своих мытарств, и был вполне искренен, когда говорил отцу, что хочет уйти в монастырь. Для него все-таки келья получше казармы. То было тогда, когда перед ним стояли печальные, страдальческие глаза Шарлотты, и он, ви-

дя сии глаза и зная, что ничего не может сделать, чтобы сии глаза не страдали, говорил ей злые слова и бежал из дому, куда глаза глядят.

Теперь же у него есть Фрося, и ни о каком монашестве не может быть и речи. Ему всего 27 лет и хочется жить, как никогда. Несносны ни келья, ни казарма, но еще несноснее чувствовать себя бессловесной овечкой, покорно идущей на заклание по воле родшего мя. А кукиш ты не хочешь, дорогой батюшка!?

Царевич в волнении задвигался, разминаясь от долгого сидения, впервые одернул занавеску, прикрывающую окошко кареты. Низкое, темное, словно каменное небо заволокли черные, косматые, угрюмые тучи. Пустынно, голо, безлюдно. Одни мокрые вороны топчутся на голых сучьях деревьев, гортанно, с металлическим скрежетом каркая. Тоска! Тоска! Скука российская, непроглядная! Как тать в ночи, снова крадутся к сердцу тревожные мысли и воспоминания о событиях перед отъездом...

Глава вторая. Перед отъездом

... Он все-таки нашел в себе силы поехать к Меншикову, хотя с каждым годом все менее хотел его видеть и слышать. То был уже не тот Сашка Меншиков, продавец пирожков и царский денщик, балагур и весельчак, готовый есть глазами начальство и исполнять любое приказание, а светлейший князь, генерал-фельдмаршал, председатель военной коллегии, сиречь министр обороны, богатейший человек России, правая рука государя, хотя рука и шkodливая, корыстная.

Он стал чванливым, желчным, лукавым царедворцем, который ставил себя даже выше наследника. Разговор с ним всегда был тягостным и унижительным для Алексея. В свое отсутствие государь оставлял Меншикова хозяином Питербурху, а фактически всей России, и требовалось его разрешение на отъезд и получение денег на дорогу.

На сей раз Александр Данилович встретил его с поднятыми вверх руками, громкими возгласами радости и уже крепко навеселе: _

– Как я рад, Петрович, как я рад. Спасибо, что не забыл, заехал проститься, – панибратски сказал светлейший.

— Да, да, уж совсем собрался, – подтвердил царевич. – Осталось только деньги получить да со всеми тетушками попрощаться.

— Попрощайся, попрощайся – снисходительно кивнул го-

ловой светлейший. –Только батюшке не сказывай: не любит он сестриц своих – твоих тетушек.

— Он многое мое не любит – угрюмо ответил Алексей.

— Ну буде, не сердись на него. Такой уж у него нрав,– миролюбиво сказал Данилыч, потом посмотрел на царевича с хитрецей:– с Ефросиньей как поступишь? Она – девка видная, могут и отобрать, ежели оставишь.

— До Риги довезу, а далее посмотрим. . .

— Я бы не стал раскидываться таким товаром, – с похотливой ухмылкой сказал князь.– Бери ее с собой, бери-бери, я тебе плохого не посоветую.

— Подумаю, – уклончиво ответил Алексей.

Светлейший подошел к железному ящику, стоящему на поставце, открыл дверцу, вынул увесистый кошелек:

—Здесь тысяча червонцев. Сие от меня тебе на дорогу. Будет случай – когда – нибудь отдашь. А не будет – сочтемся. Другую тысячу получишь в Сенате. Там тебе еще кое- что сообразят.

Действительно, в Сенате Алексею официально выдали тысячу рублей, а сенаторы от себя помогли оформить кредит на пять тысяч золотом, а еще на две тысячи мелким серебром.

Деликатно никто не спрашивал, зачем в полевых условиях, в которых собирался находиться наследник, такая прорва денег. Отношение к царевичу было двойственным. Открыто смеялись над ним, подшучивали только ближайшие соратники царя.

Все прочие предпочитали быть в стороне, резонно заключая, что сегодня Алексей Петрович – опальный сын, а завтра – новоявленный царь. Тем более, что всем был памятен 1715 год, когда царь тяжело заболел и был между жизнью и смертью, и всем вдруг стало ясно, насколько Алексей Петрович близок к престолу. Тогда началось повальное, льстивое паломничество к нему.

Но царь выкарабкался из болезни, ему доложили о росте влияния сына. Петр молча выслушал доклады и не замедлил в гневной форме выразить свое неудовольствие всем, кто общался с царевичем. Те, кто привык держать нос по ветру, тут же отхлынули от Алексея. Наступило почти полное забвение, посыпались даже злые насмешки и колкие замечания, опять же-таки со стороны ближайшего окружения государя. Другие просто сторонились.

Однажды во время очередной царской попойки Алексей, обычно молчаливый, вместо того, чтобы благопристойно и чинно стоять в минуэте, позволил себе рассуждение о государственном устройстве, о том, что главной целью государства должно быть благо черного люду. Только в том случае государство богатеет и крепко стоит на ногах.

Царевич говорил так страстно и убежденно, что все притихли, поглядывая то на царя, то на Алексея. Петр слушал внимательно. Когда же царевич заговорил о Перикле, которого афиняне, несмотря на заслуги, изгнали на несколько лет из города за самоуправство, царь нервно скривил губы и зыч-

но, насмешливо сказал: «Ну, полно врать. Поначитался за казенный счет всякой дряни. Вижу, что ты, брат, политические и гражданские дела столь остро знаешь, сколь и медведь играет на органах».

Все подобострастно засмеялись, загалдели, и Алексей вмиг остался в одиночестве, осмеянный и жалкий. Он пробовал еще что-то доказывать, но его уже никто не слушал. Все вместе с царем пустились в пляс. Петр, обычно в таких случаях только наблюдающий и слушающий пьяные рассказы, на тот раз тоже притопывал, прихлопывал, подсвистывал пляшущим, видимо, чтобы ярче выставить на посмешище наследника со всеми его разглагольствованиями.

Как всегда, приближенные понимали своего господина с полуслова. Потный, разгоряченный пляской подскочил Меншиков и потянул царевича в круг.

–Эй, Федул, что ты губы надул? Иди-ка попляши. Философ с тебя никудышний, посмотрим, каков ты в пляске.– Меншиков нагло потянул царевича за рукав.

Алексей гневно вскочил, схватился за шпагу, но в последний момент опомнился, сел опять на лавку и процедил сквозь зубы:

–Холоп подлый, я тебе не раб!

Пьяный князь не менее дерзко спросил:

–Что? Что ты сказал, щенок?

Алексей чувствовал, что его несет, что он наливается неукротимой яростью:

–Что слышал! Смерд ты подлый, говорю. Тебя бы вместо медведя по улицам водить; поводырь у тебя искусный.

Петр, услышав такое, побагровел, лицо пошло судорогами. Он подошел к сыну и наотмашь так ударил его ребром ладони, что кровь потекла изо рта и носу Алексея, затем не в силах сдержать себя, схватил сына за горло, повалил на пол и стал душить.

Видно, долго копилась в нем злоба на Алексея. Тот видел перед собой круглое, разъяренное, багровое, в оспинах лицо и в первый момент почти не сопротивлялся до тех пор, пока ни стало трудно дышать. Тогда он собрался с силами и опрокинул царя наземь. Теперь уже он был сверху, теперь уже у него скалились зубы, и руки тянулись к ненавистному горлу. Сановники, которым специально предписывалось в таких случаях сдерживать царя, бросились к нему, но Петр успел вскочить и выхватить кортик, который всегда был при нем и которым он заколол не одного своего подданного. В ответ, не помня себя, Алексей бросил руку на эфес шпаги. Рядом стоящий князь Григорий Долгорукий, доброжелатель царевича, тут же положил свою ладонь сверху:

– Не балуй, царевич. Смерть же!...

Петр заметил то движение сына и стал вырываться из толпы окруживших его людей, но руки придворных держали его крепко.

– На улицу его!– крикнул Петр,– пусть протрезвится и принесет извинения Данилычу.

– Вы же, государь, могли его задушить!– льстиво сказал генерал-прокурор Сената Ягужинский царю, который тяжело отсапывался, впервые почувствовав на своем горле крепкие руки противника.

– Да, здоровый, дубина!– невпопад ответил царь.

Алексей не стал извиняться. Его больно шпыняли, затем вытолкали на улицу, оставили рядом с караулом, как провинившегося школяра, в одном мундире, без шубы, без шапки в зимнюю морозную ночь.

Он тогда вернулся домой в такой тоске и обиде, что готов был лишиться себя жизни преждевременно, и только сознание, что сие есть великий грех, остановило его. Пришел, кое-как разделся, лег в постель и замер. Он чувствовал в себе такую усталость, словно то была усталость долгой, трудной жизни.

Ломило хребет, ноги, руки, все кости ныли от усталости и перенесенного холода. Алексей закрыл лицо руками и подетски, жалобно заплакал, словно ожидая, что кто-нибудь его пожалеет, сироту, обласкает, утешит. Была бы Фрося рядом – она бы утешила!

Пришел камердинер его Иван Афанасьевич, стал увещевать, как мог:

–Кто-то обидел Вас, Алексей Петрович?

–Батька! Батька! Все он!– ответил Алексей, всхлипывая от обиды, от возмущения и от несправедливости.

–Отец бьет – на худо не учит,– высказался камердинер нравоучительно.– Наипаче всего дети должны отца в вели-

кой чести содержать,— так в книге сказано.

—Нет у меня, Афанасьевич, отца. Понимаешь, нет! Я всю жизнь хотел, чтоб у меня был отец, настоящий отец, а его, как не было, так и нет. Разве то отец? Только себя жалует. Сам — не отец, так еще и мать у меня отобрал. Не могу даже ее навестить. Разве то отец? Прилюдно, принародно постоянно унижает.

Что я ему такого сделал? Разве я виноват, что у него с матерью не сложилось? Разве я не старался быть ему нужным? Нет, ему не я нужен, нужен ему солдафон, такой же, как и он. Нужен ему помощник в его гнусных деяниях. Он хочет меня переделать на свою колодку, а я не хочу и никогда не буду тем, кем он хочет.

—Что вам сказать, Алешенька! Покорствуй, дитяtko. Плетью обуха не перешибешь. С царем в ручки не возьмешься. Он тебе отец, богом назначенный.

—Не отец он мне, не отец!— яростно вскричал Алексей,— Он — родший мя! Он — злодей, мучитель, убийца, будь он проклят трижды три раза; будь он проклят, изверг, Ирод.

—Негоже так. Алешенька! Ибо в Писании сказано: чти отца своего.

—Да? Чти? А в Писании разве не сказано: не приидох вложить мир, но рать и нож приидох разлучити человека сына от отца. Слышишь, старик? Я— суд и казнь ему от Господа! Не за себя стою, а за церковь нашу христианскую, поруганную, обесславленную, обесчещенную, за царство наше свя-

тое, за весь народ христианский! Тесно нам обоим в мире. Или он или я!

В гневе, с глазами, горящими грозной решимостью, Алексей внезапно стал похож на отца неожиданным, точно призрачным сходством.

Старик в испуге смотрел на невиданного прежде царевича и только повторял заученную истину: –смирись, дитячко мое! Покорись отцу!

–Нет! Нет! – в исступлении кричал Алексей. – На плаху пойду, на Голгофу взойду. Не буду пособлять тиранству и злодействам! – по щекам его катились крупные пьяные слезы.

Старик призвал на помощь Алешкину кормилицу Марфу Афанасьевну. Вдвоем они напоили царевича липовым цветом, натерли камфорой, дали водки- аппоплектики, и Алексей через некоторое время, наконец, затих.

–Успокойся, Алексей Петрович, то в Вас хмель и обида говорит, они плохие советчики. Утро вечера мудрее, отоспитесь, все по- иному будет выглядеть.

–Никого ко мне не пускай. Будут от царя – скажи, что царевич в горячке.

Действительно, через несколько дней, Алексей примирился с Меншиковым и виделся с родшим мя. Но неожиданная, бессмысленная, вздорная стычка показала, какая бездонная пропасть лежит между отцом и сыном. Всем было наглядно показано, кому льстить, а кому улюлюкать.

Некоторые так и поступали. Но большинство затаилось, с любопытством наблюдая, чем закончится эта борьба. Многие считали, что было бы лучше, чтобы отец и сын были подале друг от друга, каждый боялся нечаянно попасть в кругооборот семейной борьбы. Потому известие, что Алексей Петрович едет к отцу, воспринималось осторожно-благожелательно. Появился благовидный повод поддержать наследника: как- никак едет к отцу. Потому и деньги выделили значительные, особо не спрашивая, на какие цели.

Для сохранения приличий Алексею пришлось тащиться и к мачехе-царице. Катерина на тот момент находилась в редком состоянии, когда не была беременна. Дабы понять ход дальнейших событий, следует совершить некоторый экскурс в прошлое царицы.

Родилась она 5 апреля 1684 года в семье зажиточного чухонца Самуила Скавронского, и звали ее Мартой. Но родителей рано унесла эпидемия, то ли чумы, то ли холеры, то ли еще какой напасти, накатывающейся время от времени на Европу, и Марта оказалась одна. Хорошенькую, не по годам кокетливую девочку взял на воспитание местный пастор Глюк, взял не без умысла.

Лет в двенадцать он совратил свою воспитанницу и в дальнейшем регулярно прибегал к ее услугам. Сие тайное занятие пастор называл изгнанием дьявола. Оно так пришлось по душе сиротке, что Марта сама все чаще жарко шептала пастору, что дьявол совсем распустился, ведет себя плохо, во-

рочается, навевает ей грешные мысли, и потому нужны срочные меры по его обузданию.

В семнадцать лет Марту выдали замуж за бравого шведского драгуна Иоанна Раабе, и пастор облегченно вздохнул, так как бороться с неуступчивым дьяволом, поселившемся в теле Марты, становилось непосильной для него работой. Воспитанница была ненасытна. Молодой муж в силу своей воинской занятости лишь некоторое время упорно боролся со злом в теле жены и только разъярил демона.

При взятии Нарвы Марта в качестве военного трофею досталась усатому русскому гренадеру, который взял ее в одной ночной сорочке и несколько дней и ночей кряду отводил душу, пока не устал. К его удивлению, «трофей» не только не страдал, а и сам просился использовать себя по прямому назначению.

Гренадер был не жадным, разрешил сперва откусать и товарищам, а потом и полковому командиру – генералу Боуру, который дал за Марту золотой рубль и присвоил ее себе. Смазливую, бойкую девушку, стирающую солдатские портки, однажды заметил фельдмаршал Шереметев и отобрал ее на том основании, что ему нужна служанка при штабе.

Совершив краткосрочную командировку в русскую армию, Марта поняла, что возможности пастора по изгнанию темных сил были ничтожны. Гвардейские солдаты и офицеры так азартно изгоняли беса из всех отверстий Марты, что

ему не оставалось ничего иного, как поселиться в глазенках веселой портомойки.

У фельдмаршала сия увлекательная, сладкая, богоугодная работа несколько застопорилась. Пожилой Борис Петрович действовал больше глазами, руками, словами, а в настоящей работе быстро выдыхался или вообще не мог к ней приступить, так что нетерпеливой Марте приходилось сотворять чудеса изворотливости, чтобы воодушевить изнемогающего фельдмаршала. Взаимными стараниями диявол все-таки побивался, и сими викториями Шереметев гордился едва ли ни более, чем взятием Нарвы.

Каково же огорчение постигло старого воина, когда Меншиков сообщил ему, что Мартой заинтересовался сам государь, и потому надобно ее отдать. Супротив такого доводу у командующего русскими войсками аргументов не нашлось, и он, сокрушаясь до слез, передал девку Александру Даниловичу. Тот, конечно, по своему обычаю и дерзости соврал насчет царя и принялся экзаменовывать служанку по три раза на день и дал ей про себя самую высокую аттестацию. Они занимались благим делом более месяца, оба оказались на высоте положения в деле изгнания бесов и служения богу на уровне не ниже архимандрита.

Но Борис Петрович мог ненароком и сам спросить у государя насчет видной бабы, и тогда Сашке могла грозить беда нешуточная, ибо насчет девок Петр был зело ревнив и не простил бы обману даже своему любимцу.

Пришлось мимоходом Марту показать царю. Меншиков надеялся, что чухонка ему не покажется, одел ее почернее, но бесы, но бесы, прыгающие в глазах Марты! Они содеяли свое черное дело. Петр приказал ей стелить постелю одну ночь, другую, третью, и Меншиков мог отдыхать. Марта не терпела с перекошенным от страдания лицом, как многие, Марта получала видимое удовольствие, когда Петр загонял бесов в такие глубины, что страшно было и подумать, а Марта лишь расцветала и просила еще и еще.

Такая женщина попалась Петру впервые, и он не захотел с ней расставаться, поблагодарил Сашку за услугу, похлопал его по плечу и приказал забыть служанку раз и навсегда. Так началась прочная долголетняя связь Петра с Мартой Скавронской, которую он обратил в православие, назвал Катериной и сделал царицей.

Со временем она стала не токмо любовницей, но и матерью его детей, подругой, советчицей, утешительницей, лекарем, человеком, который знал его так глубоко, как никто другой и которому Петр позволил знать себя так.

Их тихая, почти тайная свадьба состоялась 19 февраля 1712 года спустя десять лет после первого обмена взглядами. На официальных приемах в присутствии царя Екатерина выглядела зажатой, угрюмо серьезной, надутой, что совсем ее не красило. На то были свои причины. Как ни ссорился Алексей со своей Шарлоттой, но они были людьми одного уровня, могли высказать друг другу все, что думали, и сие

позволяло им быстро мириться и существовать вместе, не держа камней за пазухой.

Иное было у Петра с Катериной. В глазах Петра Катерина по-прежнему оставалась служанкой в должности супруги царя. Она и сама не чувствовала себя настоящей царицей, а лишь играла ее, педантично, по-немецки соблюдая до последнего пунктика навязанные ей правила, а потому переигрывала, представляясь слишком важной, величественной, как она сие понимала. На равных с мужем она могла говорить лишь об их совместных детях, хотя давно уже мечтала о большем. С годами недовольство таким положением будет копиться, как пар в наглухо закрытом котле, и в свое время взорвется бомбой для Петра.

По странной прихоти Петра Алексей Петрович стал крестным отцом Катерины при ее переходе в православную веру, хотя был на шесть лет младше ее. Крестница болезненно не любила Алексея, сына первой жены царя, но за годы дворцовой жизни научилась скрывать свои чувства и намерения. Царевич был для нее совершенно чужим человеком, соперником в борьбе за внимание царя, но все же сыном государя, и с тем приходилось считаться.

В 1715 году у царя и у Алексея родились два сына, два Петра. Теперь наследников стало тоже двое, и отношения между Алексеем и царицей и вовсе стали натянутыми. Между тем приличия надо было соблюдать, и Алексей, чтобы к тому же не вызывать излишних подозрений, приехал про-

ститься с мачехой перед отъездом. В отсутствие царя, в быту Катерина подавала себя простодушной, веселой и даже озорной.

Вот и Алексея встретила моложавая, в роскошном роброне, в атласной голубой ленте через плечо, приветливая, приятная женщина.

–Алешенька, здравствуй! Рада тебя видеть, – приветствовала она царевича, подавая руку для поцелуя. – Слышала, едешь?

– Еду, матушка, – как-то неопределенно ответил Алексей, и непонятно было, радуется он или печалится по тому поводу.

–Передавай самые лучшие пожелания батюшке. Думаю, тебе будет хорошо возле него. – Катерина словно не ведала ничего. – У Петра Алексеевича есть чему поучиться.

– М – да. Мне 26 лет, а я все в учениках, – с непроницаемым лицом сказал Алексей.

Катерина предпочла не заметить колкости.

–Передавай батюшке, что сынок его растет, уж кое-что говорит, – продолжала царица, как ни в чем не бывало. – А твой как?

– Слава богу. Тоже растет, – ответил Алексей.

–Возвратишься, надо будет тебя женить, – царица сделала лукавые глазки и озорно засмеялась.

–Спасибо, один раз уже женили, достаточно. Я уж не в том возрасте, чтобы меня опять женить. Как-нибудь сам справ-

люсь,— мягко, но с достоинством сказал царевич.

— Экой ты бука, Алеша,— с легкой досадой проговорила Катерина, видя, что Алексей не хочет принимать легкого светского тона.— Я приготовила батюшке ящичек цитронов и аплицинов. У него, небось, имеются, но свои лучше. Сама собирала в оранжерее.

Поговорив еще несколько минут ни о чем, они простились с облегчением для о обоих. При воспоминании об том разговоре, полном неискренности и лицемерия, Алексея пере-дернуло.

Глава третья. Встреча с Кикиным

В Либаве, как и договаривались, царевич встретился с Александром Кикиным, своим союзником и однодумцем. Александр Иванович был мужчина тридцати пяти лет, роста выше среднего, сухощавый, с задумчивым лицом философа. Одет был опрятно, добротнo, но без европейского лоску, как можно было ожидать от человека, часто бывающего за границей. Александр происходил из некогда знатного, но захиревшего боярского рода Кикиных, получил отличное образование с первой волной боярских детей, посланных Петром за границу обучаться наукам. Там он хлебнул воздух иной жизни и не мог с тех пор забыть ее благотворного влияния.

Кикин работал адмиралтейц – советником, был прекрасным специалистом по оснастке кораблей и потому царь отмечал его среди многих прочих специалистов. Кикин часто служил переводчиком у иностранцев, впервые приехавших в Россию, пока те изучали русский язык.

Ему приходилось не раз слышать нелестные отзывы приезжих о порядках, царящих на его родине. Кроме того, Кикин увлекался философией, и был критически настроен к теперишним властям государства. Александр Иванович был одним из тех страстотерпцев, борцов за правду и справедливость, в которых никогда не было недостатку на святой Руси. Взыскающие вышнего града, ежели говорить высоко, каж-

дый из них готов был в одиночку, не щадя живота своего, бороться за царство добра и справедливости

На той основе Кикин и сошелся с царевичем, он даже создал кружок из однодумцев. Идеи этого кружка будут положены в основу так называемых «Кондиций», которые лягут на стол императрицы Анны Иоанновны в начале ее правления.

Это будет некое подобие конституции, ограничивающей некоторые права самодержца. За сию наглость Дмитрий Михайлович Голицын – глава кружка – будет подвержен жесточайшей опале. Члены кружка станут далеким прообразом декабристов, что выйдут на Сенатскую площадь, чтобы покончить с самодержавием.

А пока Кикин и Алексей Петрович часто спорили на разные темы, или просто обсуждали текущие события с точки зрения их пользы для отечества. Если бы кто-то подслушал их антигосударственные, по мнению властей, разговоры, и донес куда следует, то их впору немедленно тащить в Преображенский приказ, как преступников. Но, слава богу, такого не случилось, и тихие беседы «на кухне» продолжались.

Вот и сейчас друзья сердечно обнялись, поплескались друг друга по плечу и прошли в отдельный зал небольшой аустрии, подальше от любопытных глаз.

– Решились-таки? – то ли спросил, то ли отметил факт Кикин, сажаясь за стол и с радостью поглядывая на царевича.

– Да, – подтвердил Алексей. – Знал бы ты, чего сие мне сто-

ило! Думал, умом поврежусь. Вот, казалось, уж совсем решил, намереваюсь отдавать распоряжение, а тут новые резоны лезут в голову, один другого справедливее. И опять откладываю.

– Представляю, – согласился Кикин. – У меня точно также. Дело-то не шуточное. Знаю, как вы любите обдумывать до верности каждое дело.

– А здесь еще Фрося заладила: «Не едьте, Алексей Петрович, худо нам будет среди одних басурманов». Говорю ей: «Посмотришь: сии, как ты изволишь говорить, басурманы лучше нашего живут». А она опять свое: «Пропадем мы там зазря. Лучше батюшке покориться да выказать ему свою верность». Как станет она мне говорить такое, у меня все внутри переворачивается. Все ее рассуждения годятся не для меня. Что ей доказывать? Как доказывать? Утешаю ее, как могу, и сам от того утешаюсь. »Верю вам, – говорит, – только потому и согласна«. А я уж без нее не могу.

– Ну и что вы надумали? – нетерпеливо спросил Кикин.

– Первый выбор, что предоставил мне родший мя – то идти в монастырь. Но постригаться в монахи с мыслью, что клобук-де не гвоздем к голове прибит, и его можно легко скинуть – значит, дать богу лживую клятву, то бишь загубить собственную душу, жить постоянно с чувством греха в сердце. Сие не по мне.

– Мне кажется, Фрося занимает в твоих рассуждениях далеко не последнее место – насмешливо сказал Александр, –

Надеть клубук – значит, отказаться от нее.

– Да, ты прав,– несколько смущенно подтвердил Алексей. – Я много размышлял о том. Как я могу ее бросить? Я вырвал Фросю из ее обычного уклада, она уж не может возвратиться к прежней жизни после всего, что случилось.– Алексей наклонился ближе к собеседнику, понизил голос, словно боялся, что его услышит Фрося.– Ты знаешь, какое это чистое сердце? Дитя. Она вся живет мной, и такой душевный человек, какого я сроду не видывал. Воробышка не обидит, кошку чужую накормит, пустого слова ни о ком не скажет. Нет, я за нее буду биться, как за самого себя. Даже больше.

–Похвально, похвально, ну а далее что?– с прежней улыбкой спросил Кикин.

–Ну а далее ты сам знаешь что,– неохотно ответил Алексей, слегка недовольный тем, что его прервали на самом интересном для него месте.–Родший мя требует ехать к нему зарабатывать наследство; думает, что сие есть самая высшая цель и ценность жизни. Но для того сей тиран должен затолкать меня снова во чрево матери, чтобы я выскочил оттуда новым, нужным ему человеком. К счастью, сего даже он не в силах сотворить. Остается только убежать от столь высокой чести быть наследником восточного деспота, который мнит себя европейским политиком, что я и намерен делать.–Алексей замолчал, выпил очередной стакан вина и зачерпнул несколько ложек щей.

– Ты договорился насчет меня?– спросил он, не поднимая глаз, уверенный в том, что Кикин его слушает

– Я- то договорился,– со вздохом ответил Кикин, – а вот у вас я по-прежнему не вижу решительности.

–А ты думаешь, легко принимать такие решения?– сумрачно спросил Алексей и окончательно отложил в сторону ложку.– Я уж две недели, как нормально не ем и не сплю. Ближние мои охают да ахают: совсем с лица сошел наш царевич.

Кикин мельком окинул взглядом Алексея.

–Да, видно, что осунулись,– согласился он, приблизил к царевичу лицо и перешел на шепот:

–Но вы поймите. Алексей Петрович,– страстно заговорил Кикин, наклонившись к царевичу,– надо же когда – нибудь начинать? Надо остановить преступное самоуправство, иначе Россия захлебнется в собственной крови и отсталости. Отсталость ведь не в том, что мы в другой одеже ходим, отсталость в том, как мы смотрим на мир, как мы общаемся между собой, что ставим во главу угла, чего добиваемся. Кругом одни «нельзя», неподвижность плодится и страх. Черту дозволенности, о коей толком никто не знает, переступить не моги. Он хочет рая для себя и кучки приспешников, хочет тешить свое самолюбие громкими победами, а все тело России остается косным, грязным, диким, темным. Так далее нельзя. Не орлиному горлу рябину вкушать. Я бы на вашем месте махнул на Дон, поднял бы казаков, погулял

бы по волжским губерниям. Вот тогда и с царем-батюшкой можно говорить на равных.

– Да что вы ко мне все пристали?! – взорвался Алексей. – Невозможно жить. Каждый божий день стучат в дверь какие-то богомольцы, пилигримы, блаженные, убогие, калики, страсотерпцы, фанатики, раскольники, правдоискатели, богоборцы – и все ищут у меня защиты, все взывают к отмщению, все ждут от меня чего-то невозможного, дивного, каких-то невероятных чудес. Ты тоже ждешь от меня борьбы. – Да поймите же вы все, наконец, – Алексей неистово постучал кулаком по столу, – не бунтарь я, не бунтарь! Не Степка Разин, не Кондрат Булавин. Я всего лишь защищаю себя, свою приватную жизнь. А все те ходоки только вредят мне.

Я бегу, в том числе и от них. Царские шиши каждый день докладывают батюшке о толпах у моих ворот, и у него создается мнение, что я какой-то заговорщик, что я объединяю всех его супротивников. А я не хочу никакой борьбы, я хочу нормально жить. Чтобы бороться и победить родшего мя, надобно быть еще свирепее, чем он, еще более жестоким, еще более ненасытным, еще более деятельным. Всего того у меня нету.

Взвалит Господь когда-нибудь на меня царское бремя – понесу, как смогу, а пока остается ждать. Мне видится, он сам себя загонит в гроб ранее определенного ему времени. Укатают сивку крутые горки. Ты говоришь о какой – то определенности – да у меня иногда просыпается к нему такая жа-

лость, что я готов стать перед ним на колени и просить прощения, что я не такой, как он хочет.

Он работает, как вол, а везде одни казнокрады, мздоимцы, подхалимы, льстецы и дармоеды. У него большая часть сил уходит на то, чтобы продрасться сквозь них к настоящему делу. У меня иногда возникает мысль, что он строит ради того, чтобы строить, а зачем, кому, он и сам толком не знает, он бежит от себя в это строительство.

– Вот-вот, – перебил Кикин, – не знает, потому что сам все решает единолично. Попробуй ему что-то возразить? « Я, – кричит, – создам новую породу людей ». А старую куда? Сжить со свету? Он к тому и ведет. Богу себя уподобляет. Когда такой человек наряжается богом, хочется перед господом извиниться.

Народ, видите ли, ему не нравится. Нет, наш народ – один из самых стойких, один из самых способных к изменениям, к переменам. Скифов, сарматов, готов, половцев, печенегов давно уж нет, а наш народ выстоял, все выдюжил. Многие государства канули в Лету, а древняя Русь как стояла, так и стоит, лишь переродилась, возродилась из огня и пепла. Многим народам такое под силу? – нет, далеко не многим.

Такой народ надобно токмо умело вести. А наш на роль Моисея не годится. Не умом, а силой хочет взять. Не получится. Ежели корабль можно построить за месяцы, флот за годы, то сколько же нужно времени, чтоб также вольно чувствовать и мыслить себя европейцем? А ему сейчас все вынь

да положь.

– Вот и я ему о том же толкую, – подхватил Алексей. – А он стоит на своем. Его правило одно: палка нема, да дает ума. Нет того скорее, чем кулаком по шее.

Недавно на ассамблее заявил: « народ наш, как дети, которые за азбуку не примутся, пока приневолены к тому не будут, и которым сперва досадно покажется, а как выучатся, то благодарят, что ясно из нынешних дел: не все ли подневольно сделано? И уже благодарение слышится за многое. Не приняв горького, не видать и сладкого. Добра не хотят, потому что добра не знают».

Горького везде достаточно, а вот добра, сладкого черный люд так и не вкусил пока. Конечно, сгони людей, заставь их работать – они всегда что-нибудь да сделают. Но будучи свободными, ежели их заинтересовать, они бы сделали намного больше. Вот о чем я всегда спору с батюшкой. Он уж и церковь ни во что не ставит.

Как-то митрополит Стефан робко пытался надоумить его, что надобно должность патриарха восстановить, чтобы у православных был такой же вожатый, как у латинян папа. Так родший мя выхватил кортик, стукнул плашмя по столу и закричал: « сколько я буду слышать сии стенания?! Вот вам патриарх! Оба вместе – патриарх и царь! Довольны?»

– Я знаю его достаточно, – продолжал Кикин, – много ему послужил. Сперва бомбардиром в потешном полку, затем денщиком в Азовских походах, потом вместе строили кораб-

ли на Воронежской и Олонецкой верфях, теперь в Адмиралтействе. Говорит: »пенька плохая!«— значит, пеньку долой. А я вижу, что пенька еще годится в дело. Но попробуй скажи! Специалист! Зато доску сырую заставляет стелить, лишь бы скорее. И так в любом деле. Великий знаток везде и во всем,—Кикин зло хохотнул. —Да, кое в чем разбирается, но не более того. Однако, дури, лютости, хоть отбавляй. Ему не просвещение европейское нужно, а грамотные холопы, и чтоб подальше от народа были.

Были мы как- то в анатомическом театре в Амстердаме: царь считает себя еще и хирургом, и анатомом искусным. Царю зело нравится запах мертвечины. Везде чисто, но воняет мертвецами. Показывают нам тело парня- атлета.

Что с ним произошло — неведомо, только мускулы все, как на картинке. Царь лапает все руками, нюхает, рыщет, как голодная охотничья собака, лезет в брюхо. Рядом — люди из самых знатных русских родов. Степан Васильев, мой товарищ, морщится, отворачивает лицо, его мутит. Царь, заметив такое, подбегает к нему с выпученными, как всегда, буркалами, хватает за шиворот и тычет в мясо — грызи! И тот вынужден был грызть.

Мы все уткнули глаза в мертвеца, якобы с интересом разглядываем. А что делать — заставит грызть. Васильев теперь—наилучший навигатор во всем российском флоте, но мяса не ест вовсе, высох, как щепка, вряд ли долго проживет. Таков Ваш батюшка. Стратегии и тактике не по книгам

учится, а на крови своих солдат.

Под Азовом: наши штурмуют стены, турки крюками скидывают лестницы, льют горячую смолу, протыкают штыками. Лестницы маловаты; перед тем, как влезть на стену, наш солдат совсем беззащитный. Казалось бы, ясное дело: давай отбой, меняй тактику, удлиняй лестницы, только потом снова иди. Нет же! Дает опять команду на приступ. Опять, опять, пока ни обломали все лестницы, пока стрельцы не остановились сами.

Летит, разъяренный: зачем не лезете? Бунтовать? На плаху всех положу! Мать вашу... Но не тут- то было. Перед ним не стрелецкие головы на колодах, а суровые мужики с бердышами в руках. Тут до него, наконец, дошло. Поблуднел, оглянулся назад, а рядом с ним только два денщика, да и те дрожат, как осиновый лист. Попятился, повернулся и почти побежал. Весь вечер щека дергалась, а утром дал наказ домой, Ганнибал дерьмовый! Больше тысячи положили тогда стрельцов за один день. А потом он еще люет, что стрельцы восстали: как тут не восстанешь, ежели твой царь хуже басурмана тебе смерти желает.

В битве при Лесной приказал позади пехотных колон поставить полк башкир и калмыков с пиками, чтобы кололи отступающих. Что ж тут удивляться, что потери побежденных – три тысячи, а победителей – восемь. Не уменьем, а числом берет. Кровь с него сходит, как с гуся вода. При Полтаве наших войск было шестьдесят четыре тысячи, а шведов – трид-

цать пять. И кричат: виктория, виктория! В полках бают, что Меншиков, вот уж, действительно, смельчак отчаянный, под конец боя отвел царя в сторонку, попросил у него треуголку и прострелил. «Теперь вы, государь, настоящий герой!» – якобы сказал Данилыч. С той поры царь надевает сию треуголку каждый год к годовщине. Как после такого Меншикова не любить, не жаловать? А сия скотина подставила меня самым подлым, самым гнусным образом, разорила до подошвы.

–Ты никогда мне такого не рассказывал,– удивился Алексей.– Я тоже знаю светлейшего: мастер на все руки, делец необыкновенный. Первый свой капитал заработал на рубке голов стрелецких. Когда батюшка заставил бояр самолично казнить стрельцов, у многих не хватало духу поднять топор, а Меншикову все нипочем. Подрядился тайком подменять бояр по сто рублей за голову. Говорят, заработал тогда две с половиною тысячи. С тех пор у него дело и пошло.

– Верю, что так оно и было,– согласился Кикин.– Не рассказывал, а теперь расскажу, потому как уезжаешь, и неизвестно, свидимся ли еще раз, –сказал он.– Не рассказывал, потому как разговоры есть, что я корысть от дружбы с вами имею.

–Гм,– усмехнулся Алексей и снова потянулся к вину,– какая же от меня корысть? Я в опале у собственного отца. Сколько людишек знатных от меня отвернулось после 15–того году, от приятельства со мной могут произойти одни

неприятности. Спасибо, что хоть ты не забываешь. Рассказывай, Александр Иванович, что у тебя стряслось с Меншиковым? Я токмо знаю, что ты находился под следствием, но не стал тебя об том расспрашивать. Ты сам напросился.

—А-а,— Кикин тоже выпил, вытер платком губы. Платок аккуратно сложил и положил в карман.— Говорить особо не о чем. Я служил в Адмиралтействе, строил корабли, строил Летний дворец для царя. Меншиков был губернатором Питербурху, а заодно главным подрядчиком. Работали бок о бок. Уйма документов, накладных, подрядов. Приносит Меншиков документ: подпиши. Вижу, цены не те. Говорю ему, а он: «Сие согласовано с государем». Ну как тут не поверить, ежели князь каждый день с твоим батюшкой якшается? Были у меня сомнения и по количеству материалов, и по объемам исполненных работ, и по ценам, да не будешь у царя спрашивать, разрешал ли он такие операции.

И вдруг учреждается следственная комиссия под началом князя Долгорукого. Опять приносят документ: «Вы подписывали?» Смотрю — да, я. »Здесь значится цена такая-то, а в тот год цена была в два раза ниже. Объяснитесь». Я к Меншикову: »я сей документ под вашей протекцией подписал. Объясните сие следственной комиссии», а он приказал слугам гнать меня в шею да еще сказать, что за клевету привлечет меня к суду. Объявлять в объяснительной записке имя царя, светлейшего? И того хуже будет. Пришлось все брать на себя.

Уплатил штраф, почти все состояние на то ушло, сослан был в Москву простым чиновником. Вам писал, что по семейным обстоятельствам отпросился. Потом опять понадобился, когда два корабля не смогли из верфи выйти. Назначили адмиралтейц- советником. Встречаю Меншикова, идет навстречу с распростертыми объятиями: «рад тебя видеть, перед Петром Алексеевичем лично ходатайствовал». Я ему и руки не подал.

– Ты знаешь, я у него перед отъездом был, – сказал, ожившись, Алексей. – Хоть с медом ешь. Сама любезность. Дал тысячу червонцев. То ли взаймы, то ли от чистого сердца. Фросю советовал взять с собой. Политик. Зато охрану пожалел выделить. А мне того и надо. Я сам хотел просить его, чтоб без охраны, едва с языка ни сорвалось. А то бы мог заподозрить меня.

Кикин слушал, скрестив поднятые руки перед собой и кривя губы. Затем заговорил с ожесточением:

– Каков подлец, а! Представляете, что выкинул бы ваш батюшка, явись вы перед ним с Фросей? Фросю в железы, вас на военный корабль, в бой, а там шальная пуля – и нет законного наследника! Все чинно, благородно, никаких претензий от Европы! Малолетний Петр – законный наследник. Умирает царь – и Екатерина командует парадом, а фактически Меншиков.

А он сам ни читать, ни писать не умеет, всюду за собой Алексея Волкова таскает – начальника своей канцелярии. Та-

кое же надо! Член английского королевского научного общества! Сам Исаак Невтон ему свидетельство выписал. А светлейший в грамоте – ни бум-бум. Умеют же люди! Явно какую-нибудь аферу для англичан состряпал, а они ему взамен звание академика. Сие-то в летнюю пору, во время отпусков?! Экстренно собрали Королевский научный совет, чтобы накатаь диплом неучу. Во как! Ай да ухарь-купец – удалой молодец!

– А я и не знал, что Меншиков – академик,– искренне рассмеялся Алексей.

–Я бы тоже не знал, ежели бы мне приятель из Лондону не написал,–натянуто ухмыляясь, ответил Кикин.– Для России особое событие, как же– первый академик! И никто того не ведает! Сам Меншиков – ни гу-гу. Помалкивает, хоть и хвастун большой, Знает кот, что чужое сало ест. Вы вот что, Алексей Петрович,–Кикин опять стал деловым.– напишите-ка светлейшему благодарственное письмо. Поблагодарите и за 1000 рублей, и за совет взять с собою Фросю. Ясно, что шиши прочтут письмо на почте и доложат царю. Пусть и князь повертит боками, ежели что. Он сие ловко умеет и вас при случае вывезет.

–Знаешь, Александр Иванович, я по простоте своей душевной не могу пакости людям делать. Бог с ним.

–Ну как знаете, Алексей Петрович, неволить не буду. Вся беда в том и состоит, что мы не можем делать пакостей, а они могут, потому Меншиковы всегда будут на высоте. А было

бы неплохо, коли б Данилыч немного попрыгал на сковороде, ежели жаренным запахнет.

—А ты думаешь, запахнет?

Хм. Непременно. Еще как запахнет. Меня первого возьмут.

—Что ты, Александр Иванович! Ты-то тут причем?

—А кто с вами долгие беседы вел в последнее время? Кикин. Кто открыто выражал недовольство нынешними порядками? Кикин. Ежели Марью Алексеевну возьмут за жабры, она тоже скажет, что Кикин в Либаве встречался с царевичем. С какой такой стати? Не иначе, как с целью заговора.

Вот вам и весь розыск. И вы, коли будут спрашивать, с кем встречались, обязательно упомяните меня, иначе не поверят ни одному вашему слову и тогда будут спрашивать с пристрастием. Они-то ведь знают про наши встречи и беседы. То-то и худо, что у нас даже встречи и беседы – уже преступление. Тем-то мы и отличаемся от Европы, а не бородой и шами.

—Но я не собираюсь возвращаться в Россию до самой смерти родшего мя,— горячо, искренне возразил Алексей.

—Не зарекайтесь, Алексей Петрович,— грустно сказал Кикин, —для русского человека жизнь в Европе тяжела, а для Вас тем более. Я знаю, как вы любите свои края, свое Рождество, своих голубей – тоскливо вам будет на чужбине. По себе то ведомо. Как скучаешь там по родине, как молишься на нее, а воротишься— и об одном токмо и думаешь: скорее

бы ноги отсюда унести. А кроме того вокруг вас начнутся такие схватки, что никакие резоны не устоят.— Кикин замолчал, выпил вина, стал есть, затем опять налил.

—Давайте выпьем, чтоб у вас все было хорошо,— сказал Александр, подняв бокал, — А будет у вас все хорошо, может, и я приеду, как знать.

Они чокнулись бокалами и выпили: Алексей залпом, Кикин неспеша.

—А почему тебе тоже не уехать?— спросил Алексей, закусывая какой-то коврижкой.

—И рад бы в рай, да грехи не пускают,— медленно ответил Александр. — Семья, Алексей Петрович, семья. Таким, как мы, нельзя обзаводиться семьей. Куда ее деть? Как с ней незаметно скрыться? Сие первое, а второе: сей поганец обобрал меня до нитки. Как говорят на паперти,— Кикин невесело ухмыльнулся, — я нищ, скорбен и убог, и увечен, и мизерен . Только — только планирую расплатиться с долгами, а потом надобно будет хотя бы лет пять, чтобы накопить какой- никакой капиталец. Без денег и в Европе ты ноль. С деньгами можно затеряться везде. А без денег надобно будет поступать куда-то на службу. Тут и найдут тебя царские ищейки. Найдут, схватят — и костей не соберешь. Продержитесь хотя бы года четыре — и я буду при вас. А два человека — сие уже не один. Только, Алексей Петрович, еще раз прошу вас смертною просьбой: не возвращайтесь до кончины царя. Заклюет ястреб курочку.

Я знаю Петра Алексеевича. Власть для него – все. Разговоры о славе России, о пользе государству – сие одни разговоры. Главное для него – власть над людьми. Ради нее он никого не пощадит – ни сына, ни жену, ни мать. Он даже себя изматывает ради власти, чтоб везде поспеть, чтоб ничего не упустить, чтоб не потерять нити управления.

С годами стал хитрее, он может, что хочешь пообещать, лишь бы получить свое. Вы можете возвратиться в Россию, ежели скажете сами себе: «Я готов к смерти, я готов жизнью постоять за народ, за церковь нашу, за благо России». Тогда возвращайтесь. Ежели почувствуете хоть каплю неуверенности в себе – сидите и ждите, время у вас еще есть. Несите бога в себе, сказал апостол, но умейте отстоять то, что вы несете.

–Опять ты из меня хочешь бунтовщика сделать, – со вздохом сказал Алексей. – Не способен я на такие подвиги. Мне жить хочется. Буду ждать. Мне надобно уйти от обычного житья, от суеты, от беготни, что вокруг меня деется. Я хочу оглядеться, осмотреться, хочу сосредоточиться, поговорить с самим собой: кто я, что я, чего желаю, к чему стремлюсь, куда мне идти. Хочу почитать, что пишут передовые умы Европы. А там решу, как быть дальше, как лучше и способнее послужить своему народу, как бог даст, – и, чтобы перевести разговор на другое, спросил:

–В Данциге должны приехать за мной от родшего мя. Как быть? Царица фрукты ему передала. Неудобно не исполнить

обещание.

–Фрукты оставьте на станции. Передадут. А сами, пока они будут храпеть, уходите. Гоните во всю прыть, чтоб не догнали. Я заказал дормезы до Линца, чтоб заехать с другой стороны. Там пересядете в кареты до Вены. – Кикин достал из походного сака документы, – Будете предъявлять поочередно. Меньше показывайтесь на людях. Вплоть до того, что в карете харчуйтесь. Приедете в Вену – обращайтесь к вице-канцлеру Шенборну, он в курсе дела. Цесарь обещал принять вас, как сына. Но ухо надобно держать востро, у них свой интерес, у нас – свой. Не давайте никаких обещаний, откладывайте все на потом, секретов вы никаких не знаете. Денег не транжирить, они имеют свойство скоро заканчиваться. Чтоб вы не остались голыми и босыми, тогда они начнут из вас веревки вить. Вот пока и все.

–Где вы научились сему искусству скрытности?–спросил Алексей, удивленный тем, насколько Кикин опытнее его в бытовых обстоятельствах.

–Поживете с мое за границей, тогда и узнаете, что почему, – усмехнулся Кикин, – Впрочем, вам и не надобно знать мелочи жизни. У вас должны быть другие заботы. Пожалуй, нам пора, мы и без того с вами засиделись. Повстречаетесь с Марьей Алексеевной – я ее сопровождаю из Карлсбада, – не проговоритесь о нашей встрече. Она братца своего не любит, и ее тоже могут взять и спрашивать. Я отпросился у нее на несколько дней по своим обстоятельствам, а сам поехал

в Вену договариваться насчет вас. Будьте с ней ласков, но лишнего не говорите. Знаю вас: вы, как выпьете, так все, что на уме, то и на языке. Алексей Петрович, пора уж поосмотрительнее быть. Ко мне не пишите. Можно через верных людей что-то передать словами.

Они крепко, сердечно обнялись, каждый чувствуя смутную тревогу, и то, что прощаются, быть может, навсегда. Первым вышел Алексей, через некоторое время гостеприимную аустерию покинул и Кикин. Вскоре они разъехались в разные стороны, разъехались навечно.

Глава четвертая. Встреча с царевной.

Сперва царевич хотел подождать тетку в Либаве, но затем по размышлении, влекомый тревогой, поехал вперед, надеясь встретить царевну по дороге – она была единственной между Карлсбадом и Данцигом.

И, действительно, уже верст через пятьдесят появилась знакомая карета. На козлах – везде узнаваемая русская рожка.

– Эй, кто едет?– кричит Иван, брат Фроси.

Сквозь встречный ветер слабо доносится:

– Русская царевна Марья Алексеевна!

Иван кричит внутрь кареты:

– Алексей Петрович! Царевна – тетка ваша едет, Марья Алексеевна.

Кучер придерживает лошадей, недовольный, что приходится останавливаться на скользкой, раскисшей от дождей дороге. Сеет нудный, холодный дождик. Падают в грязные лужи и плывут разрисованные осенью, самые цепкие листья. Обе кареты подъезжают вплотную друг к другу, блестят мокрыми от влаги крышами, кони гривами трясут, сбрасывая с себя облачка брызг, зубами ноги чешут.

Зябко, неохота лезть наружу, но царевич, худой, длинный, на высоких ногах, как цапля, в белых чулках и лет-

них башмаках с атласными пряжками перепрыгивает через лужи, укрывшись плащом, без парика бежит к родной тетке. Навстречу в карету царевича бегут девка и шутиха Марья Алексеевны, которых тетка выслала, чтобы поговорить с племянником.

Царевич целует, обнимает любимую родственницу, как никогда не обнимал. Тетка заметно раздобрела с тех пор, как они виделись в последний раз, хотя и ездила лечить больные ноги. А первое лечение там—строгий пост, как привычно говорят русские, а по-ихнему диета. Видно не выдержала царевна заморских порядков, привыкла к сытой еде и удобствам: в карете полно всяких узлов, баулов, ящичков.

Мария Алексеевна, которой давно уже за пятьдесят, улыбается добрым своим рыхлым лицом, спрашивает:

—Куды торопишься, добрый молодец?

—Куды глаза глядят, тетушка. Батюшка зовет, все за мной скучает, все хочет меня переделать, как Россию, — и внимательно смотрит на тетку: улавливает ли она иронию.

—То-то я вижу, ты больно рад — в тон ему отвечает тетка, хитро прищурив мужичий, алексеевский глазок.

—Так рад, тетушка, что хоть в омут бросайся, — меняя тон, говорит Алексей, темнея лицом.

—Што так? — тоже становясь серьезной, спрашивает Марья Алексеевна, — слышала я — хочешь податься в монахи. Не поверила: ну какой с тебя монах, ты слишком жизнь любишь. А в монастыре что — пост да молитва. Ты молодец справный,

добрый и смышленный, хотя и прикидываешься больным да простачком.

– За мной толпы ходят, письма пишут, зовут, неизвестно куды, а тут соглядатаи батюшкины так и шныряют, каждый шаг смотрят. Сам батюшка грозно косится, соперника во мне ищет. Вот и надобно притворяться дурачком, покорным, слабым, водки много пить. Слабых больше любят. Пусть тешатся до поры, – невесело закончил Алексей и снова зорко глянул на тетку. Марья Алексеевна поняла его взгляд.

– Ты на меня так не смотри – сказала она чуть обиженно, – ты знаешь, что я братца своего не одобряю. А ты верно делаешь, Алеша. Высокую траву первой косят. Вода камень точит и, кажется, уже подточила. Ждать тебе осталось недолго.

– Да пусть живет долго, пусть бог дает ему здоровья, только пусть оставит меня в покое, а то ведь с каждым днем подозрительнее становится. Вот зовет меня теперь на кораблях плавать. Знает ведь, что я не люблю воды – так нарочно зовет. В Питербурхе своем заберет всю семью на яхту, выберет встречный свежий ветер и катает до тех пор, пока нас всех не вырвет. Только тогда умывает руки, ухмыляется, тогда ему весело.

– Да, птицу какую подбить и мучить, собаку палкой перетянуть, хвост кошке подпалить – сие у него с детства, – подтвердила тетка. – Над нами, девчонками, издевался нещадно. Токмо Софья могла его урезонить. Софью, царство ей небесное, ненавидел страшно. Он ее и угробил. Ни в какие

ее болячки я не верю. Я ее посещала за две недели до смерти.

Она была грустная, но свежая, как утренняя роза. Собиралась на богомолье в Киев, сомневалась токмо: отпустит ли братец. Он ее и отпустил навечно. Софьюшка и говорила, что возьмет смерть от него. Думаю, и нас всех по очереди изведет. Всех распределил по монастырям. Уж из семи сестер в живых остались я да Катерина. Ждет удобного случая, чтоб и нас доконать. Ни одной не пособил выйти замуж, даже Наталье своей родной. По его разумению, пока мы безмужние – мы ничего не стоим. А вот с мужьями – мы уже сила. А зачем ему сила Милославских нужна? Вот и живем бобылками.

–Как тяжко, тетушка, – чуть не со стоном произнес Алексей, склоняясь на тетушкино плечо. – Ведь всю жизнь мечтал любить отца, а приходится ненавидеть. Убежать бы куда-нибудь, да куда убежишь? Везде его люди.

–Точно, Алеша. Тебе от отца никуда не убежать. Везде найдет. Силы да желания у него уйма, – Марья Алексеевна по-старчески поджала губы, замолчала, видимо, думая о своем, и, считая сию тему законченной, затем сказала:

–Мать тоскует по тебе. Ты бы почаще писал ей.

– Что писать-то, тетушка? Письма перехватывают, каждое слово изучают, выдумывают свое, тайный смысл выискивают. Опасно. – взгляд царевича затуманился. – Уж не знаю, увижу ли ее когда-нибудь. Бедная-бедная моя матушка. Вся жизнь прошла прахом. Годины пресветлой никогда не видела, как вышла замуж. Все он, все он! Ирод!

–«Опасно, опасно!» – передразнила Алексея тетка, заражаясь невольным состраданием, – А хотя бы и пострадать за мать родную, ведь она мать! Не чужая, поди. Она и за тебя страдает, терпит.

–Да разве я не знаю! – с болью сказал Алексей. – Опасаюсь за нее. Мало ли я ей денег передавал? и письма пересылал с оказией и два раза посещал Один Бог да я знает, как отец жестоко избивал меня за то.

И сейчас чуть что, укоряет меня, что я с матерью общаюсь, стариной, мол, заражаюсь. Ревнует или подозревает в чем-то. Как можно ставить за преступление переписку с матерью? Ну где ж тебе до Европы! Варварство дикое – и больше ничего! После каждого моего письма ей следует ужесточение содержания. Как же тут писать? Жива ли хоть она, здорова?

–Жива, жива, – поспешила успокоить тетка. – Привет тебе шлет. Тобою токмо и живет. Люди видные передают, что было ей видение. – Шепот Марьи Алексеевны сливался с шумом дождя. – И тот голос вешал, что Петербурху быть пусту, что уйдет он весь под воду, и отец твой тогда немку свою бросит, а жену законную к себе возьмет. Ну а когда отца пересидишь, взойдешь на престол, тогда, чай, мать уважишь и к себе во дворец заберешь. Так что надо тебе смирно себя вести, отца переждать.

–Красно ты говоришь, тетушка, – горько усмехнулся Алексей. – Наводнения уж были и не один раз, а Питербурх стоит, как и стоял, да еще прирастает. Царь зело серчает на

тех, кто каменные дома в Москве строит. Надобно, говорит, в Питербурхе ставить. Силою, лишением службы, налогами заставляет Питербурх ширить. А что касается немки, так уважает он ее безмерно, нужна она ему стала для собственного успокоения. Токмо она может его уgomонить, когда он во гневе, унять головную боль. Без нее он не может спокойно уснуть.

– Может она колдовство какое на него навела? – настороженно спросила Марья Алексеевна.

– Насчет колдовства не могу сказать, – ответил Алексей, мысленно удивляясь, сколько еще темноты, невежества сидит в русских умах, – а вот что нашла к нему дорожку и крепко держит его в руках, – сие уж точно. Токмо ты матушке моей об том не говори, пусть тешится своими видениями, коль они помогают ей жить. А вы, тетушка, не удивляйтесь, ежели услышите обо мне пустые слухи.

Марья Алексеевна на мгновение застыла, потом подняла брови, уставилась в него

– Ты чего удумал?

Алексей заколебался, но потом все же сказал:

– Тетушка, вам под великим секретом одной скажу: надумал я уйти от отца и, как вы говорите, в Европе буду пережидать его.

– А ты все продумал, Алеша?

– Все продумал, Марья Алексеевна.

– Ты не рядовой человек, Алешенька, и не иголка в стоге

сена, тебя же будут искать по всему белу свету. А найдут, то будут пытаться – сей антихрист таков, что на все пойдет, ни перед чем не остановится. Ой, горе-то какое! Сидел бы возле него – чего уж лучше!

–Так ведь он и зовет меня, чтоб уходить тайно, подальше от свидетелей. Верные люди сказывают.

–Да как же так? Сын же ты ему! Ирод! Ну точно Ирод! Антихрист проклятый!

–Какой я ему сын, тетушка? С самого детства из-за матери он меня возненавидел. Все грозою, все криком, все по команде. Сперва думал, что я ему послушным помощником стану в его злодействах, а как увидел, что я его зверств не приемлю, то совсем меня стал считать тайным соперником. Ему и голову не приходит, что человека может что-то другое интересовать, окромя власти и денег.

Стал возить меня по всем полям и весям, думал, что мне понравится походная жизнь с привалами, попойками, развратом. А мне больше по душе книги, размышление, уединение. А ему сие, как кость в горле. Мне нравилась Оля Трубецкая, так он ее быстро выдал за своего преображенца, а меня женил на Шарлотте. Женил и забыл. Кормились ее деньгами да с вотчины. От казны перепадет две-три сотни рублей – и на том спасибо. А приглашает на ассамблеи, даже не приглашает а приказывает, грозит большим штрафом; езжай на всякие увеселения, приличную карету имей, слуг сообразно званию одевай. На какие средства?

Я сперва ездил на те ассамблеи, а они превращаются в застенки, токмо в застенке поднимают на дыбу, а тут водкой мордуют, над людьми изголяются, как хотят. Узнают, что человек боится щекотки – щекочут до смерти; боится змей – змею отыщут и запустят за пазуху; нельзя человеку горчицы – горчицей все измажут и суют в рот насильно.

После каждой такой ассамблеи я несколько дней отходил. А потом плюнул и перестал ездить вовсе. Батюшка злится, а я не еду. «Болен,», – говорю, и пошел вон, ничего он мне в том случае не сделает. Так он стал сам заезжать за мною и с помощью гренадеров грузить меня в карету.

–Ой, какие страхи ты мне рассказываешь, Алеша! – оставила его тетушка.–Я токмо с лечения. Врачи запретили мне нервничать, а здесь сперва мать твоя припомнилась, страдалица – слезы на глаза просятся – да ты ужасы мне рассказываешь, – так никаких нервов не хватит. Поеду я, пожалуйста.

–Тетушка, – обратился Алексей слезно – матери ничего худого не говори и не пиши, А будут сказывать, что пропал я – обнадежь, скажи, что жив я, здоров, нахожусь под надежной охраной.

–Да где же ты защиту надежную-то сыщешь? – сплеснула руками Марья Алексеевна, – у него войско, у него деньги, у него сыщики повсюду шныряют, горе ты мое неприкаянное! Потом возьми в толк: пока ты возле царя обретался, у нас хоть какая-то заступа была, а теперь у царя и вовсе руки раз-

вяжутся. Я понимаю: ты ему мешаешь – так народ за тебя, а ты ему карты в руки даешь своим побегом. Подумай хорошенько, Алексей. Кличь моих.

Царевич выглянул из кареты, махнул рукой.

–Я должна в Либаве с Кикиным встретиться, – сказала тетушка многозначительно.– Не по твоим ли делам он у меня отлучку взял? – тетушка хитро подняла бровь.

–Не надо меня спрашивать, тетушка. Сие пустое. Зачем тебе знать, а мне грех на душу брать? – ответил Алексей.– Не говори никому о нашей встрече. Я с вами переговорил, чтобы душу перед разлукой отвести.

–Ну будь здоров, Алешенька!– тетушка истово перекрестила племянника, –будем за тебя молиться.

Алексей наклонился, поцеловал морщинистую щеку и выскочил в дождь.

–Пропадет, истинно пропадет,– прошептала Марья Алексеевна, смахивая непрошенные слезы.

Ей еще придется пострадать за своего племянника. Отсидит три года в Шлиссельбургской крепости за то, что передавала письма и деньги от Алексея в монастырь старице Елене – матери царевича.

Глава пятая. На подъезде к Вене.

Алексей уезжал все дальше и дальше. Проехали Данциг, где его почему-то никто не ждал от отца. Задача несколько упростилась. Потом выяснится, что офицеры, надеясь на русское «авось», загуляли в местном трактире. Сие стоило им жизни. Царевич оставил на станции ящик с апельсинами для царя и отправился далее. Сам Алексей Петрович ехал в своем дормезе— просторной карете, приспособленной к длительным путешествиям, со спальными местами и даже небольшим столиком для приема пищи. После Данцига дорога раздваивалась. Одна шла на Копенгаген, к отцу, другая вела в Европу. На нее и повернули лошадей.

После Данцига на почтовых станциях стало намного оживленнее, легче было затеряться среди прочих карет, но все равно ради скрытности Алексей с Ефросиньей не выходили из дормеза, документы предъявлял Яков Носов. От беспрестанного сидения болели все члены, ныла спина, шумело в голове. Фрося терпеливо переносила все тяготы дороги.

Умом царевич преодолел свой страх перед отцом, а вот сердце все колотилось и колотилось, как будто Алексей вновь стоял перед мрачным от злобы батюшкой и ждал жестокого наказания. Как же все-таки глубоко въелся сей детский панический ужас перед грозным отцом и как долго еще придется его вытравливать. Но Алексей знал, что вытра-

вит-таки, надобно было вытравить.

В таких случаях царевич привлекал на помощь любимого своего Пересвета –героя Куликовской битвы, живо представляя бугристое Куликово поле и две темных стены озлобленных людей, которым, быть может, осталось жить несколько часов. Выезжает наперед страшный, громадный ордынский богатырь Челибей, похожий на Сатану, каким его изображают церковники в своих страшилках. За ним не только громадный рост, десять пудов весу, богатырский конь и оружие, выкованное лучшими оружейниками Востока из лучшей в мире дамасской стали – за ним страх двухвекового жуткого ига, жестоких наказаний за малейшую провинность или неуплату наложенной дани, страшных казней, которых ранее не видывала Русь; за ним все страхи детских лет русичей: смотри, будешь вести себя плохо, то придет ордынец и убьет тебя. Все злое, страшное, мерзкое стоит за ужасным великаном с жидкой козлиной бородкой и непереносимым взглядом. Выезжает сей батыр наперед, самодовольно бахвалится, как принято в таких случаях, поигрывает копьем: »Ну кто из вас, боягузов, зайцев мелких, готов сразиться со мной, славным Челибеем, победителем всех единоличных боев в Золотой Орде? Выходи, не бойся, смерть будет скорой«. Оскорбленно молчит русская сторона. К появлению такого страшилища не были готовы. Достойного единоборца –великана, ругателя и насмешника – в запасе не имели. Есть смельчаки, да бояться. Боятся не за себя, за Русь бояться – нельзя усту-

пить, проиграть, оттого может упасть русский дух при виде позорного поражения. С надеждой озирались друг на друга: ну кто же, кто? Или не найдется ни единого?

А великан все разъезжал перед своими и пуще прежнего багровел и насмехался, и упивался своею силою, а за его спиной уже презрительно похохатывали. Наступила томительная минута смятения в русском стане.

И, наконец, облегчающий выдох прошелестел по русским полкам, качнулись первые ряды, и вперед медленно, как бы раздумывая, выехал тогда в темных одеждах схимника Александр Пересвет – инок Сергиева монастыря. Всю свою недолгую молодую жизнь посвятил он служению Господу, мирным молитвам и трудам потным. Во всех молитвах молил он Господа о непролитии крови людской, о том, чтобы никогда не брать в руки меч, но токмо орало. Но пришла на Русь беда, и позвал Пересвета настоятель Сергей, и просил именем бога нашего постоять за святую Русь, за веру нашу христианскую, за народ наш многострадальный.

И вот в последний раз обернул к русичам Пересвет бледное взволнованное лицо свое в монашьем куколе, высоко подняв руку с оружием и вдохновляя оставшихся. Был он высок ростом, плечист, красив и статен, как ангел-воитель. Но ордынец все же выглядел крупнее его, куда крупнее. Зло смеется Челибей: «Неуж-то на Руси перевелись богатыри? Мне зазорно сражаться с таким заморышем. Есть ли кто по-сильнее?».

Грозно молчат русские полки, хотя и сами видят, что силы неравны, но верят Пересвету. Молчит и Пересвет, не отвечает на похвальбу Челибея, не бросает пустых слов, не тратит силы, лишь сосредотачивается. В глазах спокойное холодное мужество и готовность положить свою жизнь на алтарь отчизны милой.

Вот стали съезжаться бойцы. Видит Челибей – нет страха в глазах русского витязя. Вот помчались противники навстречу друг другу, и опять Челибей не видит в глазах русича страха, не дрожит его булатное копье, сработанное русскими кузнецами. Понял батыр, что не ошиблись русские, что перед ним богатырь, что не уступит он, не закроет глаза в решающий миг.

Первый раз русское копье просвистело у самого плеча Челибея. Во второй раз чиркнуло острие по железной кольчуге. И тогда впервые екнуло сердце ордынца, и почуял Челибей, что ему не сдобровать. Сшиблись бойцы в третий раз, и оба пали замертво, а русские, воодушевившись, ринулись в бой.

И радостно встречала Москва победителей. Праздновали три дни и три ночи. Не более, а потом вышли на труд. Собрали всех, поправших смерть, предали земле (не так, как в последнюю войну), воздвигли церковь и поминали между трудами. И не беда, что через два года хан Тохтамыш снова пожег беззащитную, застигнутую врасплох Москву. Но он не смог стереть память о боевой Московии. Ровно через сто лет сия память не дала ханским конникам Ахмата перейти свя-

той рубликон тихой русской речки Угры, на противоположном берегу которой стояло московское войско, тоже памятуя о героях Куликовских. И навсегда тогда ушли прочь завоеватели, и кончилось злое иго. Та великая память грела сердца защитников России на Бородинском поле и тех, кто оборонял Москву в 41-ом, кто горел в танках под Прохоровкой и штурмовал Зееловские высоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.